

Завершая свои воспоминания о Владимире Константиновиче Черепнине, учителе-воспитателе, хочу подчеркнуть, что – чего не было и в нем, и в деятельности работников кафедры, так это формализма, как в учебном процессе, так и во взаимоотношениях между студента-

ми и преподавателями. Прямое, очное общение преподавателя и студента, истинно отеческое внимание к проблемам и нуждам студента, заслуженно выдвигает наших преподавателей в разряд не просто "ликвидаторов безграмотности", а именно воспитателей.

ИМЕЮ ЧЕСТЬ

И.В. Кучеренко

Доктор геол.-мин. наук, профессор ТПУ
Выпускник кафедры 1960 года

Перебирая в памяти и оценивая с высоты прожитых лет события тридцатилетнего периода моего общения с Владимиром Константиновичем Черепниным, начавшегося в 1955 г. и завершившегося с его кончиной в 1985 г., прихожу к выводу, что имел честь и, не побоюсь этого слова, счастье работать под руководством человека, который оставил в моей памяти и душе глубокий след. Думаю, что подобные слова скажут большинство сотрудников и более семисот бывших студентов – выпускников кафедры "Месторождений полезных ископаемых и разведки руд редких и радиоактивных элементов", созданной в 1954 г. в Томском политехническом институте приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР, по инициативе нашего общего с Владимиром Константиновичем учителя профессора Ф.Н. Шахова – именно в Томске. Вместо профессора Ф.Н. Шахова, с 1958 г. перешедшего на работу в Сибирское отделение АН СССР после избрания членом-корреспондентом АН СССР, заведовать новой выпускающей кафедрой после процедуры избрания был назначен Владимир Константинович. Создание кафедры одновременно с аналогичной кафедрой в Московском геологоразведочном институте было связано с острой потребностью подготовки специалистов в области урановой геологии, призванных в кратчайшие сроки ликвидировать существовавший в стране дефицит урана, необходимого для наращивания запасов атомного и водородного оружия.

В первые годы работы кафедры на специальность зачисляли наиболее продвинутых абитуриентов. Об этом можно судить по контингенту студентов в группе, в которой обучался Ваш покорный слуга: из 25 зачисленных человек шестеро были медалистами (того сурового времени), трое – отличниками геологоразведочных техникумов с красными дипломами, остальные получили на шести вступительных экзаменах (по русскому языку и литературе письменно и устно, математике письменно и устно, физике, химии) 30 баллов из 30. Студентов в эту группу, как в предшествующую и последующие, отбирал по предоставленному ему праву лично Владимир Константинович. В первую же наиболее трудную сессию шестеро студентов этой группы стали отличниками.

Из этой группы выпускников один (Михаил Толкачев) в последние советские годы работал Заместителем Ми-

нистра геологии СССР, другой (Александр Надсадин) – секретарем Сахалинского обкома КПСС, многие – главными специалистами геологоразведочных экспедиций и партий. В обеспечении столь блистательной производственной карьеры, равно как и того, что многие выпускники кафедры стали первооткрывателями месторождений урана, видна заслуга Владимира Константиновича.

Как умелый организатор и руководитель кафедры профессор выполнял трудную объемную работу, обладая необходимыми профессиональными и человеческими качествами. Все годы под его руководством кафедра функционировала как хорошо отлаженный механизм. Тщательно подбирались из своих выпускников преподаватели при жестком дефиците, особенно в первые годы, учебной литературы по геологии, методам поисков и разведки урановых месторождений, с которыми геологи имели дело впервые, издавались методические материалы, в том числе учебник по геологии и геохимии месторождений урана, изданный профессором в 1966 г., а в существенно дополненном варианте в 1972 г., была создана и пополнялась учебная коллекция минералов, что, учитывая специфику, было очень непросто. Кипела научная работа, которая финансировалась Министерством отдельной строкой через производственное объединение, активно работали аспиранты, защищались отчеты и диссертации. Всемерно поощрялась научная работа студентов, проводились кафедральные и студенческие научные семинары.

Конечно, все это происходило не само собой, но было возможно благодаря тому, что профессор держал руку на пульсе, и все это оставляло мало шансов на выполнение им собственного крупного исследования. Известно, что серьезная научная работа требует душевного спокойствия, не нарушаемого отвлечением на организационную, административную работу. Еще в шестидесятые годы со стороны по ряду признаков была отчетливо видна его внутренняя борьба за приоритеты: не формально руководить кафедрой или погрузиться в науку. В итоге его интеллект работал на учеников – аспирантов, студентов, научных сотрудников, труды которых он тщательно вычитывал, давал рекомендации, советы, вздор вычеркивал. Кафедра все же оставалась его детищем, которое он лелеял.

О человеческих качествах профессора невозможно говорить не с благодарностью, мне кажется – всем, кто

с ним постоянно общался. В среде сотрудников кафедры со времени ее организации он имел псевдоним-пароль – "Шеф", всегда произносимый с уважением. На кафедре можно было услышать: "Я пошел к Шефу", "Шеф мне сказал" и т.п. Часто употреблялось так же слово "Профессор".

Вопреки своему достаточно строгому виду и твердому характеру Шеф был очень добрым человеком. Хотя и редко, но иногда отчитываемый им человек (не без этого) нутром чувствовал, что Шеф гневается "понарошку" в воспитательных целях, хотя визуально это и не было видно. Я не помню за тридцать лет случая, чтобы Шеф на кого-то повысил голос, хотя ситуации, когда это могло произойти и он сердился, бывали.

Один эпизод, случившийся со мной, приходит на память. 10-й корпус, 3-й этаж, на котором была расквартирована кафедра. Поздно вечером сидим в своей рабочей комнате с руководителем одного из хоздоговоров, моим многолетним другом Валентином. Что-то случилось с отоплением, в комнате стало холодно. Решили пойти в кабинет Шефа, там оказалось тепло. Перешли туда. Валентин сел за профессорский стол, я – за другой в стороне. Случилось так, что в эти дни в коридоре очищали от старой извести стены, мусор не убрали, мы оба в профессорском кабинете наследили известью. Получились две дорожки, одна вела к профессорскому столу. На следующее утро к нам в комнату входит Шеф и грозно спрашивает – кто наследил под его столом. Валентин и я вытянулись в струнку, мой друг взглядом указывает на меня. Слегка отчитав меня, Шеф, фронтально, спрашивает фронтвика Валентина: "Что, солдат, ты думаешь об этом?". Солдат Валентин отвечает: "Что Вы, Владимир Константинович, хотите, эпистолярный (это он обо мне) субъект". Шеф оживился и с грустью заметил: "Да, ты прав, он хотя и скала (так он меня называл), но что от него можно требовать", – видимо имея в виду, что у скалы нет солдатской выучки и субординации. После ухода Шефа на мой вопрос – почему он дорожку к профессорскому столу приписал мне, Валентин ответил – не мог же он поколебать веру Шефа в солдата, и я с ним согласился: не мог. Удивительно, но вопрос о том, кому принадлежала вторая дорожка, как-то не возникал.

У Шефа совершенно отсутствовали такие нередко, к сожалению, встречающиеся негативные свойства характера как злопамятство, мстительность, зависть, особенно нетерпимые у руководителя. На кафедре господствовал здоровый, комфортный психологический климат, без интриг, клеветы и подобных проявлений человеческой природы. Каждый, кто, может быть, и способен был на это, знал, что интрига быстро высветится и от всех, прежде всего от руководителя, автор интриги получит отпор. Шеф поддерживал на кафедре атмосферу, в которой сотрудникам было приятно работать. Однако не надо думать, что на кафедре всегда была тишь да гладь. Иногда возникали недоразумения, которые не имели продолжения, – профессор держал ситуацию под контролем и умел их сглаживать.

Жизненный путь Профессора не был гладкой дорогой. На ней встречались ухабы.

Из известных мне первый случился в 1963 г. Мини-

стерство переводило Московский институт цветных металлов и золота в Красноярск. Поскольку московские профессора отказались переезжать, возникла проблема кадров. Предложили томским профессорам, которые тоже отказались. Решили выращивать собственных на новом месте. Видимо, на волне этих миграционных настроений возникла идея выделить из состава Томского политехнического института и государственного университета факультеты геологического профиля и объединить их в составе Томского геологоразведочного института подобно тому, как это было сделано в начале тридцатых годов по программе разукрупнения вузов. Правда, через четыре года разукрупнение сменилось укрупнением. Профессор, обладая способностью иметь собственное мнение и высказывать его, выступил с инициативой реализовать эту идею. Нетрудно догадаться, что он был освобожден от должности заведующего кафедрой. Инициатива не была положительно воспринята руководством. По прошествии пяти лет случай свел ректора политехнического института профессора А.А. Воробьева с академиком Ю.А. Кузнецовым в самолете, летевшем из Москвы. Разговор ректора с Ю.А. Кузнецовым, бывшим до 1959 г. заведующим кафедрой петрографии ТПИ, способствовал изменению мнения ректора о профессоре В.К. Черепнине. В 1968 г. профессор был восстановлен в должности заведующего кафедрой.

Следующий большой ухаб встретился на пути профессора в 1980–1981 гг. В принятой на первый курс группе студентов – редкометалльчиков в сентябре во время посвящения в студенты за городом (в лесу) один студент принял лишнее и тихо, видимо к утру, скончался. Его товарищи узнали об этом утром. Случай редчайший, трудно прогнозируемый (студенты решили провести "мальчишник", девушек в группу не принимали, на кафедре и мне, назначенному куратором группы, о мероприятии не сообщили). Мы с профессором были удостоены выговора. В феврале следующего 1981 г. в коридоре общежития с начальством встретился студент в подпитии и, будучи в хорошем настроении, добродушно сообщил, что он имеет честь обучаться по редкометальной специальности. Воспоследовало решение – профессор был вторично, но уже по другой причине, освобожден от должности заведующего кафедрой.

Заслуги пожилого защищавшего Отечество в жесточайшей войне профессора, в создании, становлении кафедры, в обеспечении ее многолетней плодотворной работы, в подготовке на то время более 500 горных инженеров – специалистов высокой квалификации, создавших в стране мощную сырьевую базу стратегического сырья, росчерком пера были принесены в жертву студенту – пьянчуге. На этот раз профессора отлучили от кафедры навсегда.

Говорят, нет людей без недостатков, которые негативно сказываются на окружающих. Если они были у профессора, я за 30 лет этого не заметил. Мне всегда импонировали его спокойный уравновешенный характер, его ровное доброжелательное общение со всеми сотрудниками кафедры. Все это сочеталось с ощущением того, что перед Вами человек с твердым характером,

чувством собственного достоинства, который не терпит фамильярности в общении с ним. Иллюстрацией этого служит мой разговор с Шефом по телефону, случившийся в 1971 г. Я позвонил ему, чтобы сообщить о просьбе нашего выпускника принять его в аспирантуру. Услышав мой голос, Шеф спокойно поинтересовался: "Разве ты не знаешь, что я в это время обедаю?" Пришлось извиниться и сообщить просьбу позже. Надо было сильно захотеть, чтобы вывести его из состояния равновесия.

Большое, как известно, видится на расстоянии. Должен признаться, что в те далекие теперь годы я в мыс-

лях не всегда был справедлив к Шефу. По прошествии многих лет после его кончины я понимаю, что значительную часть своей жизни работал рядом с человеком, который через подготовку ученых и делавших впоследствии открытия специалистов в области урановой геологии внес свою немалую долю в укрепление обороноспособности страны, в поднятие авторитета Томского политехнического института и геологоразведочного факультета. Память о Профессоре живет в его учениках и в результатах его трудов.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ

Ю.М. Страгис

Кандидат геол.-мин. наук, советник ОАО "Полюс"

Выпускник кафедры, 1965 года

Нынче исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Константиновича Черепнина. Помню ли я о нем? Да, конечно помню и с большой благодарностью. Общение мое с Владимиром Константиновичем длилось 8 лет, из них 5,5 – в качестве студента-"редкача" и 2,5 года – на кафедре в качестве инженера НИСа и ассистента.

Изначально благодарен я ему за то, что он, будучи в год моего поступления в ТПИ (1960) деканом ГРФ, отобрал меня из всей массы поступивших на факультет абитуриентов в "редкачи" (хотя вступительные экзамены я сдал неважно, но учился в школе хорошо), чем я был чрезвычайно горд. Правда, когда нас, молодых "редкачей", после поступления поселили в Студгородке 10 (деревянный дом бывшего женского монастыря), в то время, как весь остальной факультет жил в благоустроенном доме на Усова 13а, я понял, что этот дружный коллектив студентов-"редкачей" на самом деле очень особенный и специфичный и его не без причины отселили в этот "теремок". До сих пор помню содержание висевшего в комнате шестикурсников на стене плаката – "Трудно жить ничего не делая – но мы не боимся трудностей!"

За время моего пребывания в студентах-"редкачах" в моем сознании формировалось ощущение своего особенного предназначения под влиянием ряда понятий и обстоятельств (уран, урановая руда, атомная бомба, ядерное противостояние с США, военная специальность – командир взвода радиационной разведки, оформленная с III курса вторая форма допуска к секретным документам), в том числе и под невидимым нам покровительством нашего заведующего кафедрой.

Об этом коротко, но емко сказал Александр Дмитриевич Ножкин (...И лучшей судьбы не хотим.- Томск, 2010) "...под чутким и ненавязчивым присмотром Владимира Константиновича Черепнина, дававшего полную свободу творчества.." В студентах он нас часто защищал, когда мы по своей глупости и неопытности

попадали в какие-то неприятные и сложные жизненные ситуации. Во время моей работы на кафедре он приходил ко мне на занятия со студентами, давал дельные замечания "юному" ассистенту, который мучился мыслью своей неполноценности как преподавателя – "...учу студентов, которые на два года младше меня, и чему я могу их научить, кроме того, что я прочитаю в учебнике, который они и сами, без меня могут прочитать".

Это ощущение своей неполноценности, некомпетентности и послужило главной причиной моего ухода с кафедры на производство, тем более, что подвернулся удобный случай. Я вел занятия у дипломников-заочников и одним из них был главный геолог Сорского молибденового комбината Н.Г. Иванов (серьезный человек, ему уже было около 50), я ему помогал с дипломной работой. Посмотрев на меня, мою семью, мой быт, он однажды сказал: "...что ты тут маешься, езжай на производство, к нам на комбинат, останешься вместо меня, а я уезжаю в Тырныауз". Подумав, я принял это его предложение и написал заявление об увольнении из Института. Владимир Константинович был против, но переубедить меня не смог.

Перед моим увольнением на факультетском вечере (по моему первомайском), где я был со своей женой Изольдой (молодым провизором, окончившим ТМИ), Владимир Константинович отвел мою жену в сторонку и сказал ей, что напрасно она меня увозит из Томска, из меня бы мог получиться неплохой преподаватель. Может быть, он был и прав, может что-то бы из меня и получилось, – не знаю.

Но дальше моя жизнь потекла уже по другому руслу, мимо Томска и моего родного Политеха. Много чего было после этого – и радости и печали – но с высоты прожитых лет сейчас понимаешь, что те юные годы, проведенные в Томске в Alma Mater были самыми беззаботными и счастливыми в жизни, и светлая память о них и о своих учителях остается жива до сих пор.